

Помещик и староста

Помещик приезжает в свою усадьбу — имение и кричит:

— Эй, староста! Да ты где в это время находился?

— В овине сушился, ваше шкабродие.

— Ну, если бы овин загорелся?

— А я вышел бы да погрелся.

— А хорошо мои крестьяне живут?

— Хорошо, ваше шкабродие: у семи дворов один топор, и тот без обуха, и трое ворот и все на огород, одни не запираются, а другие не затворяются, а третьи чёрт знает, где валяются.

— А хорошо ли мои крестьяне едят?

— Хорошо, ваше шкабродие: душу не морят, кашу не варят, горшок у кого постучится, у того круп-то не случится.

— Говорят, в моем имении много скота?

— Много, ваше шкабродие: кто любит ветчину, кто солонину, кто баранину. Спорят, спорят, да ничего и не сварят, все порожни чаны.

— А говорят, в моем имении хлеба много?

— Много, ваше шкабродие: я сам семь скирдов намолотил и склал на полатах, а кот-Васька хвостом махнул да все к чёрту и смахнул.

— Говорят, в моем имении кони хороши? Приведи-ка парочку, чтобы в дышла ходили.

— Хороши, ваше шкабродие: двое под уздцы, чтобы не плясали, четверо с боков, чтоб не упали.

— А ты собрал ли мне оброк с моих крестьян?

— Собрал: с Фомки да с Еремки по две копейки, а с Валейки одну копейку.

— А почему с Валежки одну копейку?

— А потому, ваше шкабродие, что он беден, как бес, — по три дня хлеба не ест, да он обижается, велика семья, да и барин-то свинья.

— Прочь, негодяй! Что же мне остается сделать?

— Да не больше, не меньше, как умереть. Да и то: наша жизнь — сказка, смерть — развязка, а гроб — коляска и ехать не тряско́!

(Записано в бывш. Костромской губ. в 1914-1919)